

Второе направление совместной деятельности церкви и государства было связано с практикой дознания. Во-первых, существовали разряды преступлений, расследование которых проходило совместно. К числу таковых относились религиозные и семейные правонарушения, преступления против половой неприкосновенности, совращение в другую веру, сектантство и др. Со стороны церкви в следствии на постоянной основе участвовали духовные депутаты, которые собственные отчеты направляли в Святейший Синод или консисторию. От духовных депутатов во многом зависел ход дальнейшего расследования, так как они давали экспертную оценку взглядам обвиняемых. Поэтому к данной работе привлекали наиболее подготовленных священников, монахов, списки которых утверждал архиерей.

Во-вторых, при расследовании уголовных преступлений священников часто приглашали для производства «раскаянного признания». Эта процедура была достаточно сложной и занимала много времени. Как правило, собеседование с лицом, подозревавшимся в совершении преступления, священник мог проводить несколько раз, пока не склонял его к признанию. Показания самого священника в данном случае юридической силы не имели, поэтому его задачей было добиться признания от виновного путем увещания, угрозы божественной карой. Судя по широкой практике использования духовенства в этом качестве, такая мера приносила положительный результат.

В-третьих, для поиска расколоучителей и выявления раскольников создавались совместные воинские команды, куда входили и представители духовенства (как правило, из числа монашествующих). Это были длительные по времени экспедиции, продолжавшиеся несколько месяцев, в которых духовные лица играли ключевую роль. Они подчинялись командирам (от полиции или армии), но проводили непосредственное расследование через протоколирование специально подготовленных расспросных пунктов, после чего принималось решение о виновности или невиновности лица. Наибольшая активность деятельности таких выездных команд приходится на первую половину XVIII в. Позднее, когда под воздействием либеральных идей отношение к раскольникам стало меняться, они прекратили свою деятельность.

Третье направление было связано с совместной законодательной деятельностью Синода и Сената по выработке отдельных нормативных правовых актов относительно политики в области семьи, благочиния. На совместных конференциях уже в первой четверти XVIII в. делается попытка выработать более совершенный механизм борьбы с преступностью.

Четвертое направление реализовывалось через цензурную деятельность, где в качестве экспертов выступали в том числе и представители духовенства.

Таким образом, характер сотрудничества церкви и государства сложился не сразу. Первоначальный формат отношений было бы правильнее называть взаимодействием. Тем не менее можно говорить о том, что с XVIII в. складывается новый формат государственно-церковных отношений, где вопросам борьбы с преступностью стало уделяться самое пристальное внимание.

УДК 343.985.4

О.В. Павлють

ТЕОРИЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО АСПЕКТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРТА-КРИМИНАЛИСТА В КАЧЕСТВЕ СПЕЦИАЛИСТА ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Составной частью теоретико-правовой основы деятельности эксперта-криминалиста в качестве специалиста при осмотре места происшествия является теория моделирования. Материалистическая диалектика рассматривает моделирование как средство отображения и познания существующей действительности, способствующее раскрытию закономерностей общества и природы. Роль и значимость данной теории неоднократно подчеркивалась А.В. Дуловым, Т.С. Волчецкой, Г.А. Зориним, Е.И. Климовой, И.М. Лузгиным и другими криминалистами. Анализ вышеуказанных работ показал, что все авторы явно или косвенно заявляют о необходимости использования помощи криминалистических моделей в своей деятельности почти всеми субъектами расследования. Среди них не возникает также спора и о сущности моделирования, под которым понимается применение мысленной или материально реализованной модели в процессе исследования (познания) какого-либо объекта или процесса (явления) в целях получения криминалистически значимой информации об объекте-оригинале, когда прямое изучение фактов невозможно или нецелесообразно.

Специфическая роль теории моделирования в деятельности эксперта-криминалиста заключается в том, что, во-первых, моделирование является обязательным элементом его мыслительной деятельности, а во-вторых, средством организации и прогнозирования собственной деятельности.

При осмотре места происшествия эксперту-криминалисту в качестве специалиста постоянно приходится сталкиваться с огромным количеством задач различной степени тяжести. Этот факт предопределяет довольно широкий диапазон мыслительных операций, методов, приемов, которыми можно пользоваться для их решения. В соответствии с этим возникает необходимость использования в арсенале методов своей деятельности мысленного моделирования, при помощи которого появляется возможность отразить полный комплекс имеющихся фактов. Данное мнение подтверждается также Н.М. Амосовым, который отмечает, что «всякое познание – это моделирование информации о чем-либо». Построение мысленных моделей «тем более необходимо, что при познании все объекты всеми своими элементами не могут сразу восприниматься в натуре, часть из них фигурирует в виде зрительных образов, воспринимавшихся ранее и сохранившихся в памяти».

Таким образом, обязательным элементом мыслительной деятельности эксперта-криминалиста является моделирование. Данный факт подчеркивается спецификой самого события преступления, которое закономерно выступает главным объектом познания. Ни один из субъектов расследования, в том числе и эксперт-криминалист, не наблюдал лично всей картины совершенного деяния. Такие пробелы восстанавливаются по его отдельным следам-отражениям, показаниям очевидцев, и в результате всей этой деятельности идет построение мысленной модели совершенного преступления.

Моделирование является также одним из средств организации и прогнозирования собственной деятельности эксперта-криминалиста при осмотре места происшествия. Любая человеческая деятельность, в том числе и субъектов расследования, не может эффективно осуществляться без прогнозирования, а точнее, предвидения результатов, которое становится более полным

и точным при построении конкретных моделей деятельности. По мнению А.В. Дулова, любая модель деятельности состоит из следующих элементов: цели деятельности, этапы достижения общей цели, арсенал методов и средств, при помощи которых предполагается достичь цели. Представляется, что эксперт-криминалист должен моделировать собственную деятельность по указанной схеме на всех стадиях развития следственного действия, что будет способствовать решению имеющихся задач осмотра места происшествия в предельно короткие сроки, достижению поставленных целей, а также способствовать юридически грамотному применению норм действующего законодательства на всех его этапах.

УДК 343.9

О.Л. Помалейко

ДИНАМИКА И СТРУКТУРА ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Наряду с чертами, общими для всей преступности, женская преступность характеризуется определенной спецификой, что и позволяет рассматривать ее как относительно самостоятельный структурный элемент. Сопоставление преступности лиц мужского и женского пола по данным Витебского окружного суда за период с 1896 по 1906 г. позволило выявить следующие присущие им различия. Прежде всего, женщины отличались более низкой криминальной активностью по сравнению с мужчинами. Их удельный вес среди преступников был невысок. Например, с 1896 по 1900 г. было осуждено всего 760 (19,68 %) женщин, в то время как мужчин – 3100. В приведенной ниже табл. 1 указано соотношение осужденных мужчин и женщин за весь рассматриваемый нами период, за исключением 1902 и 1905 гг., по которым данные не обнаружены.

Таблица 1

Количество осужденных в Витебской губернии с 1896 по 1906 г.

Пол	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1903	1904	1906
Мужчины	531	602	563	722	682	680	707	489	586
Женщины	122	126	153	188	171	152	86	46	51

Согласно подсчетам, женщины составили наибольший процент среди осужденных в 1898 г. – 21,3 %, а наименьший в 1906 г. – 8 %.

В данной таблице также хорошо видна динамика мужской и женской преступности. Уровень последней отличался большей стабильностью. Существенным различием было количество осужденных в пред- и революционные годы, когда удельный вес преступлений, совершенных женщинами, значительно снизился, и была зафиксирована их минимальная численность, что можно объяснить, на наш взгляд, некоторой отчужденностью провинциальной женщины от общественно-политических процессов.

Проанализировав возрастную характеристику женщин-преступниц, было установлено, что большинство из них совершало преступления в возрасте от 21 года до 50 лет. Полученные нами данные приведены в табл. 2.

Таблица 2

Распределение осужденных женщин по возрасту с 1896 по 1906 г.

Возрастная группа	1896	1897	1900	1901	1903	1906
От 10 до 17 лет	–	–	2	2	–	–
От 17 до 21 года	22	17	35	41	5	10
От 21 года до 50 лет	95	100	129	108	76	36
От 51 до 70 лет	5	8	5	1	4	5
70 лет и более	–	1	–	–	1	–

Значительный процент среди преступниц составляли крестьянки. Например, в 1900 г. 98 крестьянок (или 96 % от общего числа осужденных женщин) было осуждено за преступления против общественного благоустройства и благочиния. В 1901 г. на эту категорию преступниц пришлось 85 % от общего числа совершенных лицами женского пола всех видов преступлений.

По численности лидировали совершенные женщинами преступления против общественного благоустройства и благочиния (табл. 3). Делопроизводственные материалы свидетельствуют о незначительности правонарушений данного вида: незаконная торговля спиртными напитками, нарушение общественного порядка и спокойствия, клевета.

Преступления против личности находились на втором месте. Значительную долю жертв преступлений, совершенных женщинами, составляли мужья и дети. Трудность получения развода и жестокость со стороны супруга нередко подталкивали жену к покушению на его жизнь. Довлеющее над незамужней женщиной общественное мнение толкало ее на плодоизгнание и детоубийство.

На третьем месте были преступления против собственности. Обнаруженные материалы позволяют говорить о том, что эти правонарушения не носили серьезного характера. Объектом женского посягательства становились небольшие суммы денег, бытовые предметы.

На четвертом месте стоят преступления против порядка управления. Их основная масса была связана с погромами помещичьих имений и неподчинением постановлениям властей. Особый размах такие преступления получили в годы первой русской революции. В большинстве случаев женщина руководствовалась корыстно-потребительскими мотивами. Несерьезность ее намерений и незначительность правонарушений подтверждается приговорами судов – подсудимые либо оправдывались, либо получали минимальное наказание.